

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

ИЮЛЬ • 2015

Постановление от 16 июля 2015 года № 23-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201507230025; дата опубликования: 23.07.2015)

Правовые категории в Постановлении: срок содержания обвиняемого под стражей; возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению; право на ознакомление с материалами уголовного дела.

Заявитель: гражданин С. В. Махин (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения частей третьей – седьмой статьи 109 УПК РФ в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса в той мере, в какой на их основании решается вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей на период ознакомления обвиняемого с материалами возвращенного прокурору уголовного дела после устранения препятствий его рассмотрения судом и завершения необходимых для этого следственных и иных процессуальных действий.

Позиция заявителя: оспариваемые нормы нарушают права заявителя, гарантируемые статьями 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, поскольку в силу своей неопределенности и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют после возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом продлевать срок содер-

жания обвиняемого под стражей при его повторном ознакомлении с материалами данного дела вне зависимости от того, что они были предъявлены позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей. Как считает заявитель, эти положения дают стороне обвинения возможность после возвращения судом уголовного дела прокурору устранять недостатки расследования, не будучи связанной предельным сроком содержания обвиняемого под стражей.

Итоговый вывод решения: оспариваемые положения УПК РФ признаны не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой они – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе в нормативной связи с иными положениями статьи 237 УПК РФ и положениями статей 6.1 и 217 данного Кодекса, – предполагают, что при возвращении уголовного дела прокурору продление срока содержания обвиняемого под стражей, превышающего предусмотренный для стадии предварительного расследования предельный срок содержания под стражей, допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения, для обеспечения исполнения приговора и на устанавливаемый судом разумный срок, определяемый с учетом существа обстоя-

тельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, и времени, необходимого для их устранения и обеспечения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, а также не исключают возможность применения предусмотренных законом средств компенсаторного характера в случае несоразмерно длительного содержания под стражей при обстоятельствах, связанных с необходимостью устранения препятствий рассмотрения уголовного дела судом.

Мотивы решения. Конституционный Суд ранее указывал, что публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (см.: *постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П и др.*). Никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком продолжительный срок, а законодатель обязан установить четкие и разумные временные рамки допустимых ограничений прав и свобод (см.: *постановления от 24 июня 2009 года № 11-П и от 20 июля 2011 года № 20-П, Определение от 14 июля 1998 года № 86-О*). По смыслу закрепленного в статье 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности, до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его (см.: *Постановление от 6 декабря 2011 года № 27-П*).

Ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в уголовном процессе, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности, с тем чтобы данный вопрос не мог решаться произвольно или исходя из одних лишь формальных условий, а суд основывался на самостоятель-

ной оценке существенных для таких решений обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. При этом конкретные границы контролируемых судом сроков содержания под стражей непосредственно Конституцией РФ не устанавливаются, а определяются законодателем с учетом их разумности.

Заключение под стражу предполагает определение в законе временных рамок содержания лица под стражей в соответствии с принципами справедливости и равенства, с тем чтобы обеспечить защиту конституционно признанных ценностей, осуществление правосудия по уголовным делам и доступ к нему потерпевших, компенсацию причиненного преступлением ущерба, а также гарантировать право на возмещение государством вреда, причиненного подозреваемому, обвиняемому в случае их незаконного уголовного преследования, произвольного и несоразмерного ограничения их права на свободу и личную неприкосновенность (статья 46, часть 1; статьи 52 и 53 Конституции РФ).

Продолжительность содержания под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам имеет строго фиксированные ограничения, за пределами которых дальнейшее продление пребывания под стражей, по общему правилу, не допускается, чем предопределяется обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого (часть четвертая статьи 109 УПК РФ).

Вместе с тем часть третья статьи 217 УПК РФ не допускает ограничение обвиняемого и его защитника во времени, необходимым им для ознакомления с материалами уголовного дела после производства по нему всех следственных действий. С учетом этого предусматривается возможность продления срока содержания под стражей сверх установленных частями второй и третьей статьи 109 УПК РФ предельных сроков до момента завершения ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами оконченного расследованием уголовного дела и направления прокурором уголовного дела в суд — для случаев, когда данные материалы были предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания указанных предельных

сроков содержания под стражей, однако для ознакомления с ними этого времени оказалось недостаточно.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что права граждан не нарушаются законоположениями, не устанавливающими конкретную продолжительность срока содержания обвиняемого под стражей в период его ознакомления с материалами уголовного дела, допуская возможность определения этого срока в зависимости от обстоятельств данного дела (см.: *определения от 6 июня 2003 года № 184-О, от 15 июля 2003 года № 308-О, от 23 апреля 2013 года № 548-О, от 22 апреля 2014 года № 877-О, от 7 октября 2014 года № 2162-О* и др.).

Особым случаем продления срока содержания обвиняемого под стражей является принятие такого решения при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом согласно частям первой и первой[2] статьи 237 УПК РФ, поскольку неустранимость в судебном производстве процессуальных нарушений, имевших место на этапе предварительного расследования, предполагает осуществление необходимых следственных и иных процессуальных действий, что превращает процедуру возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению, по существу, в особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования (см.: *Постановление от 2 июля 2013 года № 16-П*).

При этом положения статей 109 и 255 УПК РФ не предполагают включения времени содержания под стражей на стадии предварительного расследования в срок содержания под стражей на судебной стадии, как и наоборот (см.: *определения от 4 октября 2012 года № 1853-О и № 1854-О*).

Поэтому при возвращении уголовного дела прокурору вопрос о необходимости продления срока содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий судья решает лишь с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 УПК РФ, но не по правилам этой статьи. Тем самым уголовно-процессуальный закон не распространяет норму части четвертой статьи 109 УПК РФ о недопустимости продления срока содержания под стражей на

данный особый порядок движения уголовного дела.

Таким образом, суд может продлить время содержания обвиняемого под стражей за рамками предельного срока в целях его ознакомления с материалами, полученными в результате проведения необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению уголовного дела следственных и иных процессуальных действий, а по ходатайству обвиняемого или его защитника — и с иными материалами данного дела.

Суд, возвращая уголовное дело прокурору по ходатайству стороны или по собственной инициативе, обязан установить разумный срок, который достаточен для производства следственных и иных процессуальных действий, необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению дела, и разрешить вопрос о мере пресечения. Продлевая действие меры пресечения либо отказываясь от ее продления, суд не просто соглашается или не соглашается с необходимостью такого продления, но принимает решение исходя из анализа всего комплекса обстоятельств, в том числе связанных с переходом уголовного судопроизводства в особый порядок движения возвращенного прокурору уголовного дела, проверяя при этом наличие общих и специальных оснований для применения меры пресечения (см.: *Определение от 7 октября 2014 года № 2162-О*).

Кроме того, УПК РФ содержит средства защиты нарушенных прав, которым корреспондирует ряд предусмотренных действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством дополнительных средств правовой защиты от произвольного или несоразмерно длительного содержания под стражей при осуществлении уголовного судопроизводства — как превентивного, так и компенсаторного характера, включая возмещение вреда, причиненного необоснованным содержанием под стражей.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статья 5, подпункт «b» пункта 3 статьи 6); постановления Европейского Суда по правам человека от 26 июня 1991 года по делу «Летелье (Letellier) против Франции», от 27 августа 1992 года по делу «Томази (Tomasi) против Франции», от 28 октября 1994 года

по делу «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства», от 10 февраля 1995 года по делу «Аллене де Рибемон (Allenet de Ribemont) против Франции», от 28 марта 2000 года по делу «Барановский (Baranowski) против Польши», от 6 апреля 2000 года по делу «Лабита (Labita) против Италии», от

28 июня 2007 года по делу «Шухардин против России» и от 3 июля 2008 года по делу «Белов против России».

Особые мнения по данному делу представили судьи Ю. М. Данилов и С. М. Казанцев. Мнение к Постановлению изложил судья Г. А. Гаджиев.

ОКТАБРЬ • 2015

Постановление от 6 октября 2015 года № 24-П по делу о проверке конституционности положений статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201510080002; дата опубликования: 08.10.2015)

Правовые категории в Постановлении: право на защиту от безработицы; признание безработным; пособие по безработице; индивидуальный предприниматель; органы службы занятости.

Заявитель: гражданин М. В. Чайковский (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пунктов 1 и 2 статьи 3 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» в той мере, в какой они — в системе действующего правового регулирования — служат основанием для решения органами службы занятости вопроса о возможности признания безработными зарегистрированных в целях поиска подходящей работы граждан, прекративших индивидуальную предпринимательскую деятельность либо стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, при непредставлении ими справки о среднем заработке за последние три месяца по последнему месту работы.

Позиция заявителя: нарушение своих прав, гарантированных статьями 7, 17, 18, 19, 33, 37 (часть 3), 39 (часть 1), 45, 46 и 55 (часть 3) Конституции РФ, гражданин М. В. Чайковский усматривает в том, что, устанавливая единый перечень документов для принятия решения о признании гражданина безработным, эти положения позволяют органам службы занятости не принимать решение о признании гражданина безработ-

ным в случае невыполнения им при наличии уважительных причин требования о представлении справки о среднем заработке за последние три месяца по последнему месту работы и распространяют данное требование в том числе на лиц, прекративших индивидуальную предпринимательскую деятельность, и на лиц, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва.

Итоговый вывод решения: признать взаимосвязанные положения пунктов 1 и 2 статьи 3 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают возможность отказа органов службы занятости в признании безработными граждан, прекративших индивидуальную предпринимательскую деятельность либо стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, только на том основании, что ими не представлена справка о среднем заработке за последние три месяца по последнему месту работы.

Мотивы решения. Само по себе законодательное закрепление перечня документов, при представлении которых гражданин, зарегистрированный в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, должен быть признан безработным, не выходит за рамки дискреционных полномочий федераль-

ного законодателя, поскольку является элементом правового механизма социальной защиты от безработицы и в силу этого не может рассматриваться ни как нарушение права граждан на защиту от безработицы, закрепленного статьей 37 (часть 3) Конституции РФ, ни как умаление государственных гарантий его реализации. Вместе с тем, формируя такой перечень, федеральный законодатель должен принимать во внимание целевое назначение включаемых в него документов и исходить из того, что их истребование от граждан может быть оправдано исключительно необходимостью надлежащего осуществления органами службы занятости возложенных на них функций по предоставлению безработным гражданам мер государственной поддержки в области содействия занятости и не должно создавать необоснованных затруднений в реализации их права на защиту от безработицы.

Необходимость учета размера среднего заработка по последнему месту работы при подборе гражданину подходящей работы вытекает и из предписания пункта 4 статьи 4 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации», согласно которому подходящей не может считаться предлагаемая работа, если предполагается, что заработок по ней будет ниже среднего заработка гражданина, исчисленного за последние три месяца по последнему месту работы (за исключением случаев, когда среднемесячный заработок гражданина превышал величину прожиточного минимума трудоспособного населения, исчисленного в субъекте Российской Федерации в установленном порядке).

По буквальному смыслу пункта 2 статьи 3 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации», закрепленный в нем перечень документов имеет универсальный характер, то есть распространяется на все категории граждан, зарегистрированных в целях поиска подходящей работы, вне зависимости от факта осуществления ими до обращения в органы службы занятости трудовой или иной общественно полезной деятельности, давности прекращения и характера этой деятельности.

Вместе с тем федеральный законодатель, реализуя свои дискреционные полномочия по установлению правового механизма социальной защиты от безработицы, предусмотр-

рел для отдельных категорий безработных граждан специальное регулирование в части определения критериев подходящей работы, а также размеров назначаемого им пособия по безработице и стипендии, выплачиваемой в случае направления их органами службы занятости для прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования. К их числу относятся, в частности, граждане, прекратившие индивидуальную предпринимательскую деятельность, а также лица, стремящиеся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва.

Для таких граждан подходящей работой, согласно пункту 3 статьи 4 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации», считается оплачиваемая работа, включая работу временного характера и общественные работы, требующая или не требующая (с учетом возрастных и иных особенностей граждан) предварительной подготовки, отвечающая требованиям трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. При этом в силу пункта 2 статьи 30 и пункта 1 статьи 34 названного Закона назначаемое им пособие по безработице устанавливается в размере его минимальной величины, которая согласно пункту 2 статьи 33 того же Закона ежегодно определяется Правительством РФ.

Подобное правовое регулирование, устанавливающее дифференцированный подход к определению критериев подходящей работы и размера пособия по безработице в отношении безработных граждан, состоявших в трудовых отношениях и уволенных из организаций по любым основаниям (за исключением уволенных за нарушение трудовой дисциплины или другие виновные действия, предусмотренные законодательством Российской Федерации), с одной стороны, и иных безработных граждан, в том числе имевших ранее статус индивидуального предпринимателя, и лиц, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, с другой стороны, основано, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, на объективных критериях, в частности таких, как отсутствие предшествующей трудовой деятельности или продолжительность перерыва в трудовой деятельности; со-

ответствующая дифференциация, учитывающая, кроме того, различия в правовом статусе лиц, работающих по трудовому договору, и лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями, сама по себе не может рассцениваться как нарушающая конституционный принцип равенства или ограничивающая право на защиту от безработицы (см.: *определения от 21 декабря 2006 года № 559-О, от 12 апреля 2011 года № 550-О-О, от 29 мая 2012 года № 1002-О, от 24 сентября 2013 года № 1329-О и др.*).

Что касается размера стипендии, выплачиваемой в период прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования по направлению органов службы занятости, то в силу пункта 1 статьи 29 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» лицам, стремящимся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, соответствующая выплата производится в размере пособия по безработице, предусмотренного для данной категории граждан, то есть в размере минимальной величины указанного пособия независимо от размера их среднего заработка по последнему месту работы. В отношении же граждан, прекративших индивидуальную предпринимательскую деятельность и впоследствии признанных безработными, специальных правил определения размера стипендии, выплачиваемой в период прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования по направлению органов службы занятости, названным Законом не установлено, что, по смыслу приведенного законоположения, означает воз-

можность распространения на них порядка определения размера стипендии, предусмотренного для лиц, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, — при условии, что до начала осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности, прекращение которой предшествовало обращению в органы службы занятости, они работали по трудовому договору; если же такие лица ранее не состояли в трудовых отношениях, то они могут быть приравнены к лицам, впервые ищущим работу (ранее не работавшим), для которых размер стипендии определяется аналогичным образом, то есть исходя из размера минимальной величины пособия по безработице.

Рассматривая вопрос о признании безработным зарегистрированного в целях поиска подходящей работы гражданина, прекратившего индивидуальную предпринимательскую деятельность, или лица, стремящегося возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, орган службы занятости не вправе уклониться от принятия в отношении данного лица правоприменительного решения, ссылаясь лишь на отсутствие у него справки о среднем заработке по последнему месту работы как документа, предусмотренного пунктом 2 статьи 3 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации», — иное приводило бы к неопределенности правового положения гражданина в отношениях с органом службы занятости по поводу реализации предусмотренных названным Законом мер государственной поддержки в области содействия занятости и защиты от безработицы.

Постановление от 12 октября 2015 года № 25-П по делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201510140006; дата опубликования: 14.10.2015)

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; право на защиту своих прав, нарушенных судебными актами; право на защиту доброго имени; право на защиту деловой репутации; конкурсный управляю-

щий; несостоятельность (банкротство) юридического лица; ликвидация юридического лица.

Заявитель: гражданин Д. А. Татарников (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 5 части 1 статьи 150 АПК РФ в той мере, в какой по смыслу, придаваемому сложившейся правоприменительной практикой, он является для арбитражных судов апелляционной инстанции основанием прекращения производства по жалобе конкурсного управляющего на определение арбитражного суда первой инстанции, которым его действия (бездействие), совершенные в рамках дела о банкротстве, признаются незаконными, в случае внесения в Единый государственный реестр юридических лиц записи о ликвидации должника.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение не соответствует статьям 46 (части 1 и 2), 50 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции РФ, поскольку по смыслу, придаваемому официальным толкованием и сложившейся правоприменительной практикой арбитражных судов, оно исключает возможность оспаривания определений арбитражного суда, вынесенных о правах и обязанностях конкурсного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве) юридического лица в связи с ликвидацией этого юридического лица.

Итоговый вывод решения: признать пункт 5 части 1 статьи 150 АПК РФ, предусматривающий полномочие арбитражного суда прекратить производство по делу в случае, если он установит, что организация, являющаяся стороной в деле, ликвидирована, не противоречащим Конституции РФ, поскольку в системе действующего правового регулирования он не препятствует арбитражному суду апелляционной инстанции рассмотреть по существу и вынести решение по жалобе конкурсного управляющего на определение арбитражного суда первой инстанции о признании незаконными его действий (бездействия), совершенных при исполнении возложенных на него обязанностей в рамках дела о банкротстве, в случае, когда во время осуществления апелляционного производства в Единый государственный реестр юридических лиц вносится запись о ликвидации организации-должника и на этом основании прекращается дело о банкротстве.

Мотивы решения. Арбитражный процессуальный кодекс РФ не содержит указаний на действия арбитражного суда апелляционной инстанции в случае, когда на момент ликвидации должника в его производстве находится

апелляционная жалоба на определение арбитражного суда первой инстанции, вынесенное по вопросу, возникшему в ходе дела о банкротстве. В связи с этим в пункте 48 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 года № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» было дано разъяснение, согласно которому с момента внесения записи о ликвидации должника в Единый государственный реестр юридических лиц на основании доказательств о ликвидации должника, поступивших от конкурсного управляющего либо регистрирующего органа, арбитражный суд выносит определение о прекращении производства по рассмотрению всех разногласий, заявлений, ходатайств и жалоб.

Руководствуясь приведенным разъяснением, арбитражные суды апелляционной инстанции при выявлении факта ликвидации должника в деле о банкротстве прекращают производство по апелляционным жалобам на определения арбитражных судов, вынесенные по вопросам, возникающим в рамках дела о банкротстве, в том числе в части, относящейся к конкурсным управляющим.

Публично-правовой статус конкурсного управляющего в деле о банкротстве состоит не только в исполнении обязанностей руководителя должника и его представителя в отношениях с кредиторами, уполномоченными органами, при рассмотрении дел с участием должника в арбитражном суде, но и в наделянии его соответствующими правами, призванными обеспечивать реализацию целей института банкротства, а также его обязанностей по соблюдению баланса прав кредиторов и должников. Помимо указанных прав конкурсный управляющий, как и любое лицо, обладает и неимущественными правами, в частности закрепляемым Конституцией РФ правом на защиту доброго имени (статья 23, часть 1) и корреспондирующим ему правом на защиту деловой репутации, неразрывно связанными с его личностью, интерес в осуществлении которых непосредственно не зависит от реализации прав и обязанностей должника в деле о банкротстве.

Именно эти права конкурсного управляющего могут затрагиваться вынесенными в ходе рассмотрения дела о банкротстве должника судебными актами арбитражного суда

первой инстанции по заявлениям, в частности, о признании его действий (бездействия) незаконными или о возмещении убытков, причиненных ненадлежащим исполнением или неисполнением возложенных на него обязанностей. Соответственно, конституционно значимым является предоставление в таких случаях конкурсному управляющему возможности проверки в апелляционном порядке законности и обоснованности судебных актов арбитражного суда первой инстанции.

Внесение в Единый государственный реестр юридических лиц записи о ликвидации юридического лица в связи с его банкрот-

ством не может служить основанием для прекращения производства в арбитражном суде апелляционной инстанции по апелляционной жалобе конкурсного управляющего на определение арбитражного суда первой инстанции, вынесенное о его правах и обязанностях в деле о несостоятельности (банкротстве) данного юридического лица. Иное лишение бы указанных лиц права на обжалование таких определений, то есть возможности реализации гарантированного статьей 46 (части 1 и 2) Конституции РФ права на защиту своих прав, нарушенных судебными актами, что недопустимо.

Постановление от 13 октября 2015 года № 26-П по делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201510150010; дата опубликования: 15.10.2015)

Правовые категории в Постановлении: организация вывоза отходов; земли лесного фонда; вопросы местного значения; компетенция исполнительных органов государственной власти.

Заявитель: администрация муниципального образования «Североуральский городской округ» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 24 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в той мере, в какой содержащееся в нем положение, относящее организацию сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов к вопросам местного значения городского округа, служит нормативно-правовым основанием для возложения на городские округа обязанности по ликвидации несанкционированного складирования бытовых и промышленных отходов на лесных участках в составе земель лесного фонда, расположенных на территории этих городских округов.

Позиция заявителя: по мнению заявителя, примененное в его деле законоположение ограничивает самостоятельность местного са-

моуправления, нарушает права муниципального образования и тем самым противоречит Конституции РФ, ее статьям 12, 36 (часть 3), 130 (часть 1), 132 и 133, поскольку в силу своей неопределенности допускает возложение на органы местного самоуправления городского округа обязанности производить ликвидацию несанкционированного складирования бытовых и промышленных отходов на расположенных на его территории земельных участках любых форм собственности, включая лесные участки в составе земель лесного фонда, которые находятся в федеральной собственности, притом что органы местного самоуправления не несут бремя содержания этой собственности и не наделены полномочиями по осуществлению охраны и защиты лесов.

Итоговый вывод решения: оспариваемое законоположение не противоречит Конституции РФ, поскольку оно — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не предполагает возложение на органы местного самоуправления городских округов обязанности по ликвидации за счет средств местного бюджета несанкционированного складирования бытовых и промышленных отходов, раз-

мещенных неустановленными лицами на лесных участках в составе земель лесного фонда, расположенных на территории этих городских округов, без наделения органов местного самоуправления соответствующими государственными полномочиями.

Мотивы решения. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, вопросы местного значения в силу прямого предписания статьи 130 (часть 1) Конституции РФ могут и должны решать именно органы местного самоуправления, а не органы государственной власти, что, однако, не исключает их взаимодействия, основанного на признании самостоятельности местного самоуправления, при решении общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципального образования, а также участия органов местного самоуправления в установленных законом пределах в реализации публичных функций и задач государства на соответствующей территории (см.: *постановления от 30 ноября 2000 года № 15-П и от 24 декабря 2012 года № 32-П*).

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относит к числу вопросов местного значения городского округа организацию сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов (пункт 24 части 1 статьи 16).

По смыслу взаимосвязанных положений статей 42 и 58 Конституции РФ в их истолковании Конституционным Судом РФ, конституционная обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам имеет всеобщий характер; публичная власть обязана принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков (см.: *постановления от 14 мая 2009 года № 8-П и от 5 марта 2013 года № 5-П*).

Характер и пределы участия местного самоуправления в решении этих вопросов обуславливаются как необходимостью обеспечения с помощью эффективных организационно-правовых средств оперативного устранения причин и ограничения последствий негативного воздействия на окружающую среду и природные объекты, так и ответственностью местного сообщества за предотвращение и

устранение вреда, причиняемого им в процессе жизнедеятельности населения.

Тем самым предполагается, что законом на органы местного самоуправления могут быть возложены как создание условий для надлежащего исполнения субъектами природопользования своих обязанностей по устранению причиненного природным объектам вреда, так и обеспечение проведения за счет собственных сил и средств мероприятий по ликвидации загрязнения территории муниципального образования отходами, образовавшимися в результате жизнедеятельности населения (то есть имеющими, по сути, местное, коммунальное происхождение), если выявленный факт не является следствием невыполнения или ненадлежащего выполнения конкретным лицом своих обязанностей, связанных с использованием того или иного земельного участка на территории данного муниципального образования.

Таким образом, поскольку обеспечение благоприятной для проживания населения городского округа среды согласуется с основной целью местного самоуправления, заключающейся в удовлетворении основных жизненных потребностей населения муниципальных образований, отнесение организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов к вопросам местного значения городских округов само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные гарантии местного самоуправления как особой формы осуществления публичной власти на местах и несовместимое с его конституционным предназначением.

Поскольку экологическая функция является общей для всех уровней публичной власти в Российской Федерации, невыполнение или ненадлежащее выполнение органами местного самоуправления своих полномочий, ставшее причиной загрязнения территории городского округа, может являться основанием для их привлечения к установленной законом ответственности и обязанности принять меры, необходимые для очистки территории городского округа от загрязнения отходами, включая несение финансовых затрат.

В системе действующего правового регулирования отнесение к вопросам местного значения городского округа организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов не может рас-

смагиваться как безусловное основание для возложения на органы местного самоуправления городского округа обязанностей, касающихся проведения очистки территории городского округа от загрязнения отходами.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, лесной фонд представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим (см.: *постановления от 9 января 1998 года № 1-П, от 7 июня 2000 года № 10-П и от 2 июня 2015 года № 12-П; определения от 27 июня 2000 года № 92-О, от 3 февраля 2010 года № 238-О-О, от 15 января 2015 года № 5-О и др.*).

Установленный действующим законодательством порядок использования и охраны лесного фонда включает в себя обязанность субъектов, осуществляющих использование лесов, проводить мероприятия по защите соответствующих земель от загрязнения отходами производства и потребления и иного негативного воздействия (статьи 13 и 42 Земельного кодекса РФ, статья 51 Лесного кодекса РФ).

Исходя из того что лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности (часть 1 статьи 8 Лесного кодекса РФ), управление ими и их охрана составляют ведение Российской Федерации, что не исключает дискреции федерального законодателя, передавшего осуществление отдельных полномочий в области лесных отношений органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Что касается полномочий органов местного самоуправления в области лесных отношений, то, как следует из части 1 статьи 84 Лесного кодекса РФ, они сводятся к принятию мер по предотвращению вредного воздействия (включая захламление) на те лесные участки, которые находятся в муниципальной собственности. Утвержденные Правительством РФ Правила санитарной безопасности в лесах также предусматривают обеспечение органами местного самоуправления проведения соответствующих санитарно-оздоровительных мероприятий лишь в отношении лесов, расположенных на землях, находящихся в собственности муниципальных образований. Таким образом, в системе действующего

правового регулирования принятие мер, направленных на ликвидацию загрязнения бытовыми и промышленными отходами лесных участков, расположенных на территории городского округа, но не находящихся в его собственности, органами местного самоуправления данного городского округа не предусмотрено и относится к компетенции уполномоченных исполнительных органов государственной власти.

Между тем в правоприменительной практике имеют место случаи, когда, исходя из расширительного толкования пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» — как предусматривающего безусловную обязанность городского округа обеспечить ликвидацию несанкционированного складирования бытовых и промышленных отходов на земельных участках любой формы собственности, расположенных на его территории, включая находящиеся в федеральной собственности лесные участки в составе земель лесного фонда, эта обязанность возлагается на органы местного самоуправления городского округа независимо от принадлежности данных лесных участков, если лица, виновные в их загрязнении, не установлены. Тем самым вся полнота бремени несения финансовых затрат на осуществление необходимых санитарно-оздоровительных мероприятий возлагается на органы местного самоуправления городского округа.

Конституционный Суд РФ уже обращал внимание на то, что содержание термина «организация», используемого в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» при определении вопросов местного значения, должно раскрываться с учетом специального отраслевого законодательного регулирования и что в любом случае этот термин не может автоматически трактоваться как предполагающий всю полноту ответственности муниципальных образований в соответствующей сфере деятельности (см.: *Постановление от 29 марта 2011 года № 2-П*).

Вместе с тем, как следует из статьи 132 (часть 2) Конституции РФ во взаимосвязи с частью 2 статьи 84 Лесного кодекса РФ и статьей 19 Федерального закона от 6 октября

1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», органы местного самоуправления могут быть наделены законом отдельными государственными полномочиями в области использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов с учетом установленного Конституцией РФ разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (статьи 71, 72 и 73) и с предоставлением необходимых для реализации этих полномо-

чий материально-финансовых средств. Если же соответствующие государственные полномочия органам местного самоуправления городского округа в установленном порядке не переданы, обращенное к ним требование проведения организационных мероприятий и несения материально-финансовых затрат по обеспечению очистки расположенных на его территории лесных участков, входящих в состав лесного фонда, от загрязнения отходами производства и потребления не имеет конституционного обоснования.

Постановление от 20 октября 2015 года № 27-П по делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201510220009; дата опубликования: 22.10.2015)

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; гражданское судопроизводство; частная жалоба на определение суда первой инстанции; письменное производство; судебные расходы.

Заявители: граждане А. И. Карabanов и В. А. Мартынов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть третья статьи 333 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 436-ФЗ постольку, поскольку ее положения во взаимосвязи с частью первой статьи 98 и частью первой статьи 100 ГПК РФ, а также с его статьей 104, предоставляющей сторонам возможность подачи частной жалобы на определение суда по вопросам, связанным с судебными расходами, допускают рассмотрение судом апелляционной инстанции частной жалобы на определение суда первой инстанции о распределении понесенных по делу судебных расходов, включая расходы на оплату услуг представителя, без извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения данной частной жалобы и без проведения судебного заседания с участием сторон по делу.

Позиция заявителей: по мнению заявителей, примененное в их делах законоположение нарушает конституционные гарантии судебной защиты, вытекающие из статей 17

(часть 3), 19, 46, 55 и 123 Конституции РФ, поскольку оно позволяет суду апелляционной инстанции не уведомлять стороны о времени и месте рассмотрения частной жалобы на определение суда первой инстанции о возмещении в порядке части первой статьи 98 и части первой статьи 100 ГПК РФ понесенных по делу судебных расходов и отказывать сторонам в удовлетворении ходатайства о проведении судебного заседания с их участием.

Итоговый вывод решения: оспариваемое законоположение не противоречит Конституции РФ, поскольку оно по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования во взаимосвязи с частью первой статьи 98, частью первой статьи 100 и статьей 104 ГПК РФ, предоставляя суду апелляционной инстанции, рассматривающему частную жалобу на определение суда первой инстанции о распределении судебных расходов, правомочие не вызывать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание и не извещать их о времени и месте его проведения, вместе с тем предполагают, что сторонам будет обеспечена возможность — посредством процессуальных механизмов (процедур) письменного производства без проведения слушания с участием сторон — изложить свои доводы и возражения по рассматриваемому вопросу и направить суду письменные доказательства. Если для про-

верки законности и обоснованности определения суда первой инстанции, на которое подана частная жалоба, суду апелляционной инстанции необходимо исследовать и оценить не только доказательства, положенные в основу данного определения, но и представленные стороной новые доказательства, которые не были ею представлены в суд первой инстанции по уважительной причине, суд апелляционной инстанции обязан назначить судебное заседание с проведением слушания и известить лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания.

Мотивы решения. Конституция РФ, гарантируя каждому право на судебную защиту, не предусматривает непосредственно какой-либо определенный порядок его реализации и не предполагает возможность заинтересованного лица по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебного обжалования, — они устанавливаются на основе Конституции РФ, ее статей 46, 123 и 128, федеральным законом (см.: *постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.*).

Порядок судебного разбирательства, при котором проводится слушание гражданского дела, призван создать надлежащие условия для реализации лицами, участвующими в деле, принадлежащих им процессуальных прав, что предполагает его применение для разрешения дела по существу, причем в первую очередь — в связи с необходимостью представления и исследования доказательств, то есть в тех случаях, когда решаются прежде всего вопросы факта. Именно для таких случаев правило об обязательном извещении о времени и месте судебного заседания лиц, участвующих в деле (статья 113 ГПК РФ), служит предпосылкой реализации ими на основе принципа состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции РФ) права на личное участие в судебном заседании. Соответственно, суд апелляционной инстанции, поскольку он повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции, извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения апелляционных жалоб, представления прокурора, с тем чтобы эти лица могли принять участие в судебном заседании (часть первая статьи 327 ГПК РФ).

Вместе с тем из Конституции РФ, ее статей 46, 118, 123 и 126, во взаимосвязи с положениями статьи 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являющейся составной частью правовой системы России, вытекает дискреция федерального законодателя относительно закрепления возможности разрешения определенной категории гражданских дел судом второй инстанции без проведения слушания, что предполагает рассмотрение поставленного перед судом вопроса прежде всего на основании письменных доказательств, представленных участвующими в деле лицами.

Конкретизируя положения Конституции РФ о судебной защите и судопроизводстве применительно к гражданскому судопроизводству, ГПК РФ предусмотрел производство в суде апелляционной инстанции (глава 39), дающее сторонам возможность обжаловать не только решение суда первой инстанции, не вступившее в законную силу (апелляционная жалоба), но и отдельно от него посредством частной жалобы — определение суда первой инстанции в случаях, если это предусмотрено данным Кодексом или если определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела (статья 320 и часть первая статьи 331).

Поскольку при рассмотрении частной жалобы, представления прокурора на определение суда первой инстанции объектом судебной проверки являются законность и обоснованность данного определения как судебного постановления, не разрешающего дело по существу и не содержащего какие-либо выводы относительно заявленных исковых требований, федеральный законодатель — в целях процессуальной экономии и при условии обеспечения конституционных гарантий права на судебную защиту, в том числе осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон (статья 46, часть 1; статья 123, часть 3, Конституции РФ), — вправе распространить на рассмотрение такого рода жалоб, представлений порядок разрешения судом дел на основе письменного производства без проведения слушания в судебном заседании с участием сторон.

При рассмотрении частной жалобы на определение суда первой инстанции о распределении судебных расходов суду апелляцион-

ной инстанции необходимо установить, имели ли место заявленные судебные расходы и были ли они понесены в том объеме, в каком заинтересованная сторона добивается их возмещения. Само по себе требование о взыскании судебных расходов, не будучи самостоятельным имущественным требованием, всегда рассматривается судом в рамках того гражданского дела, по которому суд принимает решение по существу, а распределение судебных расходов, хотя оно и влечет для сторон определенные материально-правовые последствия, тем не менее, как не влияющее на выводы суда относительно предмета спора, является производным от результатов разрешения судом соответствующего дела по существу.

Исходя из этого в случаях, когда вопрос о распределении судебных расходов, являющийся процессуальным вопросом, разрешается судом первой инстанции не в самом решении по гражданскому делу, а отдельным постановлением, такое постановление выносится в форме определения (статьи 104 и 224 ГПК РФ), частная жалоба на которое рассматривается в порядке статьи 333 ГПК РФ. Соответственно, нет оснований полагать, что в отношении апелляционной проверки определения суда первой инстанции о распределении судебных расходов, равно как и других его постановлений, которыми дело не разрешается по существу, не может быть использована процессуальная форма разрешения дела без проведения слушания с участием сторон.

В силу статей 46 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции РФ рассмотрение судом апелляционной инстанции частной жалобы на определение суда первой инстанции в процедуре письменного производства в судебном заседании без проведения слушания с участием сторон по делу может осуществляться лишь при условии надлежащего гарантирования им права на судебную защиту на основе принципа состязательности.

Если суд апелляционной инстанции, принимая во внимание характер и сложность разрешаемого процессуального вопроса, а также доводы частной жалобы на определение суда первой инстанции (в том числе на определение о распределении судебных расходов), придет к выводу, что для вынесения правильного и обоснованного решения необходимо предоставить сторонам возможность

изложить свою позицию устно, он вправе рассмотреть частную жалобу в судебном заседании с участием сторон по делу, которые, соответственно, должны быть извещены о времени и месте судебного заседания.

Если для проверки законности и обоснованности определения суда первой инстанции (в том числе определения о распределении судебных расходов), на которое подана частная жалоба, суду апелляционной инстанции необходимо исследовать и оценить не только доказательства, положенные в основу данного определения, но и представленные стороной новые доказательства, которые не были ею представлены в суд первой инстанции по уважительной причине, суд апелляционной инстанции обязан назначить судебное заседание с проведением слушания и известить лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания, поскольку для этих случаев именно такая процессуальная форма разрешения дела не только выступает предпосылкой для представления и исследования определенных видов доказательств (например, показаний свидетелей), но и служит гарантией осуществления судопроизводства на основе конституционного принципа состязательности и равноправия сторон.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статья 6); Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 28 февраля 1984 года R (84) 5 (принцип 4); постановления Европейского Суда по правам человека от 15 февраля 2005 года по делу «Стил и Моррис (Steel & Morris) против Соединенного Королевства»; от 23 февраля 1994 года по делу «Фредин (Fredin) против Швеции»; от 26 апреля 1995 года по делу «Фишер (Fischer) против Австрии»; от 20 мая 2010 года по делу «Ларин против России»; от 26 мая 1988 года по делу «Экбатани (Ekbatani) против Швеции»; от 19 декабря 1989 года по делу «Камасински (Kamasinski) против Австрии»; от 29 октября 1991 года по делу «Хельмерс (Helmers) против Швеции» и по делу «Фейде (Fejde) против Швеции»; от 21 сентября 1993 года по делу «Кремцов (Kremzow) против Австрии»; от 22 апреля 2010 года по делу «Севастьянов против России».

Особое мнение по данному делу представил судья Г. А. Жилин.

Постановление от 27 октября 2015 года № 28-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201510290019; дата опубликования: 29.10.2015)

Правовые категории в Постановлении: свобода экономической деятельности, договор банковского вклада, письменная форма, обычай делового оборота.

Заявители: граждане И. С. Билер, П. А. Гурьянов, Н. А. Гурьянова, С. И. Каминская, А. М. Савенков, Л. И. Савенкова и И. П. Степанюгина (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 статьи 836 ГК РФ в части, позволяющей удостоверить соблюдение письменной формы договора иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение не соответствует части 2 статьи 8 и частям 1, 2 и 3 статьи 35 Конституции РФ, поскольку позволяет не признавать документом, удостоверяющим факт внесения вклада, сам договор банковского вклада, даже если в договоре присутствует условие о том, что он является документом, удостоверяющим прием вклада.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал пункт 1 статьи 836 ГК РФ не противоречащим Конституции РФ, поскольку его положения, закрепляющие требования к форме договора банковского вклада, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не препятствуют суду на основании анализа фактических обстоятельств конкретного дела признать требования к форме договора банковского вклада соблюденными, а договор — заключенным, если будет установлено, что прием от гражданина денежных средств для внесения во вклад подтверждается документами, которые были выданы ему банком (лицом, которое, исходя из обстановки заключения договора, воспринималось гражданином как действующее от

имени банка) и в тексте которых отражен факт внесения соответствующих денежных средств, и если будет установлено, что поведение гражданина являлось разумным и добросовестным.

Мотивы решения. Договор банковского вклада относится к договорам присоединения, условия которого в соответствии с пунктом 1 статьи 428 ГК РФ определяются одной стороной — банком в стандартных формах. Договор банковского вклада также признается публичным договором, если другой стороной (вкладчиком) является гражданин. При этом граждане обычно лишены возможности влиять на его содержание, что для них является ограничением свободы договора и требует особой защиты их прав. Оспариваемая норма требует соблюдения двух условий для заключения договора банковского вклада: заключение в письменной форме соглашения между банком и вкладчиком, и фактическая передача банку конкретной денежной суммы, зачисляемой на счет вкладчика, открытый ему в банке. То есть договор считается заключенным с момента, когда банком были получены конкретные денежные суммы от вкладчика.

Вместе с тем согласно буквальному смыслу абзаца второго пункта 1 статьи 836 ГК РФ, перечень документов, которые могут удостоверить факт заключения договора банковского вклада, не является исчерпывающим, внесение денежных средств на счет банка гражданином-вкладчиком, действующим при заключении договора банковского вклада разумно и добросовестно, может доказываться любыми выданными ему банком документами, оформленными в соответствии с обычаями делового оборота, применяемыми в банковской практике.

Необходимо также учитывать, что стороны данного договора имеют различный уровень профессионализма в данной сфере правоотношений, и у присоединившейся стороны (гражданина) отсутствует реальная возможность настаивать на изменении формы дого-

вора и на проверке полномочий лица, действующего от имени банка, и др. Неблагоприятные последствия несоблюдения требований к форме договора банковского вклада и процедуры его заключения несет банк, поскольку как составление проекта такого договора, так и оформление принятия денежных средств от гражданина во вклад осуществляются именно банком. В частности, именно банк считается создавшим условия для неправомерного поведения своего работника или предоставившим неуправомоченному лицу, несмотря на повышенные требования к экономической

безопасности банковской деятельности, доступ в служебные помещения банка, не осуществившим должный контроль за действиями своих работников или наделившим полномочиями лицо, которое воспользовалось положением работника банка в личных целях, без надлежащей проверки.

Исходя из этого, суд не вправе квалифицировать как ничтожный или незаключенный договор банковского вклада с гражданином на том лишь основании, что он заключен неуполномоченным работником банка и в банке отсутствуют сведения о вкладе.

НОЯБРЬ • 2015

Постановление от 19 ноября 2015 года № 29-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201511200012; дата опубликования: 20.11.2015)

Правовые категории в Постановлении: страховой стаж, страховые взносы, трудовой стаж, отстранение от работы, незаконное привлечение к уголовной ответственности, реабилитация, трудовая пенсия по старости.

Заявитель: гражданин Н. К. Шматов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», в той мере, в какой на его основании после 1 января 2002 года, то есть со дня вступления в силу Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», решается вопрос о включении в страховой стаж гражданина, незаконно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, периодов, в течение которых он не работал в связи с отстранением от должности (работы), если такое отстранение явилось следствием решения органа, осуществлявшего в отношении этого гражданина уголовное преследование.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение нарушает статьи 1, 2, 15, 17, 18, 45, 52 и 53 Конституции РФ, поскольку ограничивает пенсионные права граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитиро-

ванных, так как не позволяет засчитывать в страховой стаж, учитываемый при определении права на трудовую пенсию и оказывающий влияние на ее размер, периоды, включенные судом в трудовой стаж этих граждан.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал пункт 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2) и 53, в той мере, в какой содержащееся в нем нормативное положение во взаимосвязи с иными законодательными предписаниями позволяет не включать в страховой стаж гражданина, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, период, в течение которого он был временно отстранен от должности (работы) в связи с решением органа, осуществляющего уголовное преследование.

Мотивы решения. Конституция РФ закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. При этом государство обязано обеспечить лицам, пострадавшим от незаконного и (или)

необоснованного привлечения к уголовной ответственности на любой стадии уголовного судопроизводства, эффективное восстановление в правах.

Согласно части первой статьи 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя не только право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, восстановление в жилищных, трудовых, пенсионных и иных правах, а вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

До вступления в силу Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (1 января 2002 года) размер пенсии по старости устанавливался с учетом общего трудового стажа как суммарной продолжительности трудовой и иной общественно полезной деятельности, а после вступления в силу указанного Федерального закона — с учетом достижения общеустановленного пенсионного возраста и наличием не общего трудового, а страхового стажа. Размер трудовой пенсии по старости фактически стал зависеть от суммы страховых взносов и иных поступлений в Пенсионный фонд РФ за застрахованное лицо.

Оспариваемая норма Федерального закона засчитывает в страховой стаж периоды содержания под стражей лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных, и период

отбывания наказания этими лицами в местах лишения свободы и ссылке, однако не засчитывает в страховой стаж период, в течение которого гражданин не работал вследствие отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием. В период временного отстранения работника от должности (работы) его пенсионные права не формируются, поскольку заработная плата в этот период ему не начисляется и обязанность по уплате взносов в Пенсионный фонд РФ не возникает.

Тем самым создаются препятствия для восстановления реабилитированных лиц в пенсионных правах, что прямо противоречит конституционным принципам справедливости и гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина, и ведет к нарушению права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц, и к ограничению права на социальное обеспечение.

Исходя из этого, федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, гарантирующие реабилитированным лицам пенсионное обеспечение на тех условиях, которые применялись бы к ним в случае отсутствия незаконного или необоснованного уголовного преследования.

Обзор подготовили: Алена Борисова, Тимофей Виноградов, Ярослава Гребенцова. Редактор: Татьяна Храмова.